

ПАРАДИГМА "СИСТЕМА - МОДЕЛЬ - ЗНАК"
В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
АКСИОМЫ И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО

*Проповедью должны быть
наши жизни, а не наши слова*

Томас Джефферсон

Предварительные замечания. Жанр данной работы я определил бы как мемориально-научный. Иными словами, я хочу сказать о том, чем я обязан Ивану Дмитриевичу как человеку и как ученому, и попытаюсь сформулировать "аксиому И.Д. Ковальченко", один из основных принципов, которым (как мне кажется) он руководствовался в своих исследованиях; изложу некоторые результаты своих теоретико-методологических размышлений, стимулом для появления которых, зачастую были идеи, содержащиеся в работах Ивана Дмитриевича; в заключение позволю себе высказаться по поводу проступков некоторых членов клиометрического сообщества. Сказанное и обусловило структуру данной работы, которая состоит из трех сюжетов.

Сюжет 1. О былом.

Альберт Швейцер в работе "Культура и этика" писал: "Среди сил, формирующих действительность, нравственность является первой"¹. Наука без морали безнравственна, а историографическая традиция, в качестве одной из ее факторных составляющих, включает в себя нравственные принципы, которые одно поколение ученых передает другому.

Говорят, что свобода - это свобода выбора. Молодому поколению историков сейчас довольно сложно представить себе, что мог чувствовать и какой путь мог для себя выбрать лет 15-20 назад человек, уже выбравший сферой своих профессиональных интересов историческую науку. Выбор был невелик: либо идти в "официальную" историю, либо в "неофициальную", последнее фактически означало невозможность заниматься преподаванием в вузах, исследовательской работой в архивах и невозможность публиковать свои работы.

¹ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 115

Я вырос в рабочей семье, с детства мечтал стать историком, и среди нашей многочисленной родни (большинство из которой и сейчас живет в селе) я был первым, кто закончил университет и защитил кандидатскую диссертацию. Мои родители очень гордились этим и тем, что мой младший брат тоже закончил университет и стал инженером. Однако, когда по праздникам у нас дома собирались наши родственники и в очередной раз спрашивали меня о моей профессии, и я (ответив, что я историк), и они (услышав мой ответ) чувствовали себя довольно неловко. Они - потому, что ожидали услышать нечто (по их мнению) более серьезное, я - потому что подсознательно чувствовал несерьезность своих занятий. Позже я нашел (как мне тогда казалось) выход из этой ситуации и стал называть свою профессию "источниковед", что несколько изменило отношение к моим занятиям моих родственников (по причине замысловатости ее названия), но отнюдь не успокоило меня.

В 1983-1985 годах, после защиты в Московском государственном историко-архивном институте кандидатской диссертации по источниковедению я переживал жесточайший внутренний кризис, так как оказался в тупике и не знал, что делать дальше. В научном плане причиной кризиса стало осознание того, что моя работа практически сводится к пересказу своими словами содержания источников, причем к пересказу по уже заранее заданной программе. Моя работа напоминала мне детскую игру под названием "Раскрась сам", задачей которой было закрашивание различными красками предметов, контуры которых уже были нарисованы заранее, а у ребенка создавалась иллюзия, что он рисует эти предметы сам. К тому времени я уже устал от иллюзий, я устал обманывать себя. Занятия историей я воспринимал как образ жизни, но оказалось, что это не совсем тот образ жизни, к которому я стремился.

Осенью 1985 года волею судьбы, во время проведения кампании по всеобщей "компьютеризации" преподавателей-гуманитариев, я оказался на стажировке на кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ, где тогда еще только зарождалась будущая лаборатория исторической информатики. Без преувеличения я был поражен и обрадован увиденным и услышанным. Я услышал лекции Ивана Дмитриевича Ковальченко, в которых он с горечью и болью говорил об аматоризации исторической науки, о том, что в этом виноваты мы сами, то есть те, кто считает себя профессиональными историками. В его лекциях были горечь и боль, но, к счастью, не было отчаяния.

Иван Дмитриевич глубоко переживал сложившуюся ситуацию, однако, будучи сильным, мужественным человеком и

осознавая свою ответственность за судьбы тех людей, которых он повел за собой и которые ему верили, он, как мне кажется, всегда был ориентирован именно на позитивное решение любой проблемы. Эта его "заряженность" на поиск позитивного выхода, вера в его возможность, вера, которая основывалась на результатах напряженнейшей работы ума, его изначальная ориентация на "позитив" - была, я думаю одной из факторных составляющих личности Ивана Дмитриевича.

Тогда, в 1985 году, он видел выход из сложившейся ситуации в приоритетном развитии методологии, методики, методов и компьютерных технологий исторических исследований. Я был поражен и тем, с какой самоотдачей работали молодые ученые из "команды" Ивана Дмитриевича. Они могли оставаться и работать на кафедре (лаборатория тогда еще не имела хорошо знакомой многим 654 аудитории) возле единственного терминала до 2 или до 3 часов ночи, ожидая своей очереди для работы с БЭСМ. К моему счастью эти люди: Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова, Т.Ф. Измestьева, - стали моими друзьями. Меня поражала и поражает не только их преданность делу, высокий профессионализм, потрясающая работоспособность, но и то, что эти ученые, "команда" Ивана Дмитриевича показали тогда многим из нас пример того, как можно и нужно работать в коллективе, коллективом и для коллектива. Оказалось, что в этом клиометрическом сообществе наиболее ценимы именно нестандартные люди и идеи, и, что важно, нестандартные подходы и методы реализации этих идей. С 1985 года новый этап в моей жизни, и я искренне признателен и Ивану Дмитриевичу, и моим друзьям, чьи имена я уже называл, за то что они сделали для меня.

Вспоминая о прошлом, я хочу сообщить молодым историкам то, что многие из моих коллег знают из личного опыта, а именно: в 60-80-е годы в клиометристы уходили так же, как несколько раньше уходили в медиевисты или в египтологи, и уходили по схожим причинам.

Вокруг Ивана Дмитриевича собиралась, как принято говорить, молодая и талантливая молодежь, и подлинной школой школы Ивана Дмитриевича можно считать и кафедральные, и лабораторные научные семинары, проводившиеся под руководством Ивана Дмитриевича и Л.И. Бородкина.

Еще меня поражала доступность Ивана Дмитриевича практически для всех, и у меня сложилось впечатление о том, что чем меньшую ступеньку в научной иерархии занимал человек, тем ему легче было попасть к Ивану Дмитриевичу. Поражало меня и то, что, даже будучи академиком, Иван Дмитрие-

вич вел занятия у вечерников, если не ошибаюсь, это было по средам.

Уже отмечалось, что Иван Дмитриевич был открыт для новых и нестандартных идей и, в месте с тем, он имел твердую систему убеждений (что и сейчас является довольно редким явлением), убеждений, которые он умел и излагать, и отстаивать.

В начале сюжета я говорил о тех нравственных принципах, которые одно поколение ученых передает другому. Вспоминая прошлое, я все больше убеждаюсь в том, что Ивану Дмитриевичу и его школе есть что предложить молодым историкам.

Сюжет 2. О работе.

Иван Дмитриевич был одним из тех людей, чья жизнь и чьи работы оказали на меня значительное влияние. Он был одним из тех немногих историков, кто не только понимал, но и практически реализовывал в своих работах представление об истории не только как о совокупности знаний (фактов) о прошлом, но и как о совокупности знаний о том, как, каким образом эти факты можно извлекать из исторических источников, то есть он был профессионалом. В этой связи не могу не вспомнить древнюю мудрость, которая гласит: "Если хочешь дать нищему милостыню - дай ему рыбу, если хочешь сделать его богатым - научи его эту рыбу ловить". Иван Дмитриевич научил многих из нас "ловить рыбу". Многие его работы приобретают характер знаков, символов, которые очерчивают, обозначают границы того многомерного познавательного пространства, в котором жила его мысль, понимание которого было ей подвластно. "О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях"², "О моделировании исторических явлений и процессов"³, "Исторический источник в свете учения об информации"⁴, "Место количественных методов в исторических исследованиях"⁵, "Методы исторического исследования"⁶, - вот только некоторые из таких работ-знаков. Хорхе Луису Борхесу принад-

² Ковальченко И.Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 115-134.

³ Ковальченко И.Д. О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1978. №8. С. 72-39.

⁴ Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации // История СССР. 1982. №3. С. 54-67.

⁵ Ковальченко И.Д. Место количественных методов в исторических исследованиях // Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. С. 138-152.

⁶ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

лежит кажущаяся парадоксальной мысль о том, что классика - это не книга, как-то по особому написанная, но книга, особым образом прочитанная⁷. Думаю, что работы Ивана Дмитриевича еще будут "особым образом прочитаны", и если не нами, то теми, кто будет на это способен. Суть своей методологической позиции Иван Дмитриевич (как мне кажется) отразил в названии статьи, опубликованной им в 1989 году в журнале "Коммунист" в рубрике "Дискуссии и обсуждения". Статья называлась "Исследование истины само должно быть истинно". И идею, содержащуюся в этой фразе, я позволил себе обозначить как "аксиому И.Д. Ковальченко".

Иван Дмитриевич объяснил свое понимание этой мысли К. Маркса так: "Успешное выполнение стоящих перед исторической наукой задач требует прежде всего методологических подходов к их решению, выработке адекватных этим задачам путей и методов исследования исторической реальности [выделено мною - В.П.]... В этой связи следует решительно подчеркнуть, что ни постановка самых актуальных проблем, ни расширение доступа историков к новым материалам при всей их несомненной важности сами по себе, без повышения теоретико-методологического и конкретно-научного уровня обществоведческих исследований, не приведут к существенным сдвигам в развитии исторической науки"⁸.

Если мир системен и это мир биосоциальных и иных систем (в том числе и существовавших в прошлом), то целью исторического исследования может быть выявление качественного своеобразия (состояния) этих систем.

Если объектом познавательной деятельности историка фактически являются не сами социальные системы, а информация о них, зафиксированная (преимущественно) в виде текстов и статистики, то есть в виде знаковых (информационных) моделей, то содержанием познавательной деятельности историка может быть моделирование моделей.

Если знаковые модели могут быть описательными и количественными, где знаки - это слова и цифры, то раскодирование информации и представление ее в виде знаний может реализовываться с помощью описательных и количественных методов.

Методологическая парадигма источниковедения (если она работоспособна) должна дать ответы на следующие вопросы:

⁷ Борхес Х.Л. Моя жизнь служит литературе // Иностранная литература. 1988. №10. С. 232.

⁸ Ковальченко И.Д. Исследование истины само должно быть истинно // Коммунист. 1989. №2. С. 87.

1) как и с помощью каких методов можно определять, выявлять качественное своеобразие систем, то есть как исследовать и извлечь из источников информацию об их структурах и функциях? 2) какими методами изучать социальные системы, существовавшие в прошлом и информация о которых дошла к историку преимущественно в виде знаковых моделей? 3) какими методами извлекать информацию из знаковых моделей, если эти знаки - слова и цифры?

Думается, что на поставленные вопросы должна дать ответ система методологий, включающая в себя системную, модельную и знаковую методологии. Эта парадигма (система) является эмерджентной совокупностью методологий, потому что только в результате взаимодействия между собой этих трех методологий возникает новое качество, которым ни одна из них не обладает, если ее рассматривать вне искомой системы (парадигмы). Суть этого искомого качества заключается в возможности выявления структур и функций социальных систем, существовавших в прошлом, систем, информация о которых дошла до нас в виде знаковых моделей, моделей, где знаки - это слова и цифры. Иными словами, это качество - возможность получения знаний о прошлом.

Данная методологическая парадигма стала основой для системы теоретико-методологических представлений о роли и месте источниковедения в структуре исторической науки о других задачах и методах, которые мы представим в виде своеобразного дайджеста⁹: 1) источниковедение не является специальной или вспомогательной исторической дисциплиной, а есть самодостаточная составляющая истории как науки, способной продуцировать новые знания о прошлом человека; 2) теорией источниковедения (в наиболее общем виде) можно считать совокупность знаний о прошлом, о методологиях и методах, с помощью которых они были получены, знаний, проверенных научной практикой и изложенных, как правило, в сжатом виде в форме научных фактов, определений, суждений теоретических построений; 3) методологией источниковедения является совокупность доказательств, система обоснований того, как и какие-

⁹ О теоретико-методологических вопросах подробнее см.: Подгаецкий В.В. Города Украины в годы нэпа (вариант клиометрического подхода к анализу социальных структур). Днепропетровск, 1994; Подгаецкий В.В. Клиометрика: *axiomata minoga*. (Версия 3. Предметное пространство) // Круг идей: развитие исторической информатики, М., 1995. С. 470-482; Подгаецкий В.В. Социальная структура, как скульптура для слепых // Круг идей: модели и технологии исторической информатики, М., 1996. С. 28-41.

ми методами и инструментами возможно изучать прошлое; 4) информация о прошлом и знания о нем - это не тождественные понятия. Информация может стать знаниями только в том случае, если она переработана историком, структурирована и представлена в таком виде, который позволяет ему узнать, понять ее смысл и использовать ее для решения своих задач; 5) события, явления и процессы, которые исследует историк, отдалены и отделены от него "стеною времени", и поэтому он не имеет возможности изучать их свойства, признаки, особенности непосредственно на них самих; 6) объектом его познавательной деятельности выступает не прошлое, а информация о нем, которая отразилась в источниках информации, преимущественно в текстах и в статистике; 7) эти источники информации выступают в роли своеобразных "заменителей", аналогов прошлого и их называют моделями; 8) слова и цифры называют знаками и, соответственно, тексты и статистику называют знаковыми моделями событий, которые происходили в прошлом; 9) модели могут быть описательными и количественными; 10) соответственно двум формам фиксации информации в знаковых моделях методы исследования могут быть описательными и количественными; 11) события, явления, процессы, отдельные люди и человеческие сообщества могут рассматриваться как многомерные объекты, то есть такие, качественное своеобразие которых определяется не одним или двумя признаками, а их совокупностью; 12) качественное своеобразие объектов социальной природы не является результатом простого сложения их свойств и характеристик, а возникает в результате сложного взаимодействия между определенной частью этих признаков; 13) совокупность взаимосвязанных и взаимовлияющих объектов социальной природы, которая в результате этого взаимодействия создает стабильное, целенаправленное единство, можно назвать системой; 14) две социальные системы (или большее их число) могут состоять из одних и тех же элементов, но связи между ними и их взаимное влияние (то есть сила этих связей) могут быть различными, и в результате из одних и тех же элементов могут создаваться различные объекты (системы); 15) за качественное своеобразие определенной социальной системы (как правило) "отвечают" не все элементы, входящие в нее, а только их определенная часть, и что особенно важно, за него так же отвечают и связи между этой частью элементов; 16) структурой системы называют именно ту часть ее элементов и связи между ними, которые определяют ее качественное своеобразие, отличают ее от других систем, делают ее тем, чем она является; 17) элементами социальной системы могут быть как отдельные люди, их совокупности и сообщества,

так и признаки этих людей, совокупностей и сообществ; 18) для того, чтобы понять суть определенной системы, ее предназначение (функции), необходимо из состава элементов данной системы "извлечь" ее структуру и сравнить ее со структурами других систем; 19) источники информации (мемуары, воспоминания, делопроизводственная документация, пресса, статистика) только тогда смогут сообщить о том, что представляли собою социальные системы, существовавшие в прошлом, когда они будут способны отражать и фиксировать в себе информацию о структурах и функциях этих систем; 20) одной из задач познавательной деятельности источниковеда является переработка (структурирование) информации о структурах и функциях определенных социальных систем и представление ее в виде знаний о них; 21) структурирование информации представляет собою создание историком информационных аналогов (знаковых моделей) исследуемых им социальных систем; 22) объектами источниковедческого исследования преимущественно выступают знаковые модели прошлого (тексты и статистика), а содержание процесса их изучения можно определить именно как моделирование. Результаты этого изучения также являются знаковыми моделями; 23) в зависимости от того, кто или что выступает в роли источника информации о прошлом, история как наука может рассматриваться как состоящая из познавательных подсистем, а именно из источниковедения, историографии и устной истории; 24) история как наука обязана иметь признаки "научности", среди которых: а) возможность проверки полученного исследователем результата его коллегами (воспроизводимый результат); б) проведение исторического исследования в виде наблюдения (описания) или эксперимента; в) обязательное определение и разъяснения того смысла, который историк вкладывает в используемые им термины; г) обязательное изложение программы (алгоритма) исследования; д) обязательное отношение к полученным результатам именно как к одному из возможных вариантов решения определенной проблемы, который имеет право на существование лишь до тех пор, пока он не будет усовершенствован или опровергнут; 25) результаты исторического исследования, как любая модель, являются (по определению) несовершенными. Они упрощают, искажают информацию об объектах, качественное своеобразие которых они отражают. Но иного пути изучения сложного мира, который существовал в прошлом и продолжает существовать в нашем сознании, чем его "упрощенное восприятие", которым и является моделирование, не существует. Любая модель прошлого, даже такая, которая в силу определенных причин считается несовершенной, имеет право на

существование в виде научной гипотезы, но ни одна из них не может рассматриваться как императив, как истина в последней инстанции.

Я думаю, что история - это культура в самом широком смысле этого слова, и она может существовать в различных вариантах: и как наука, и как искусство, и как миф, и как сказка. Каждый из нас, безусловно, имеет право работать в любом из этих жанров или изобрести свой собственный, какой-то новый жанр. Но в любом случае корректным и необходимым будет предупреждение нами наших коллег о том, в каком именно жанре мы работаем. У определенной части историков могут возникнуть опасения, что в случае выполнения ими достаточно четко обозначенных правил научного исследования, истории может угрожать полная заформализованность, а историку - перспектива превращения из творческой личности в "человека в формуляре".

Но можно ли, к примеру, считать заформализованными, лишенными индивидуальности и свободы для ее реализации авторов разнообразных музыкальных произведений, людей, которые создают музыку с помощью всего-навсего семи нот, которые записывают по определенным правилам на стандартном нотном стане?

Сюжет 3. О виртуальных диссидентах.

Я думаю, что содеяние греха, к сожалению, является имманентным, внутренне присущим человеку и носит вневременной характер, то есть не зависит от времени, в котором человек живет, от того событийного, исторического фона (первобытно-общинного, тоталитарного, посттоталитарного или какого-либо иного), на котором проходит его жизнь.

Отто фон Бисмарк писал: "Жизнь научила меня прощать, но еще больше - искать прощения"¹⁰. Я знаю, что мне есть в чем каяться и есть у кого просить прощения, но я не верю в единовременное массовое прозрение и в публичное, тем более в групповое, покаяние, которое есть фарс.

Вместе с тем я не верю и в возможность существования молчаливых, немых диссидентов, подающих голос либо, когда им разрешили это сделать, либо когда они считают, что опасность (мнимая или реальная) миновала. Это виртуальные диссиденты.

¹⁰ Высказывания знаменитых людей / Сост. братья Хелемендрис. М., 1995. С. 43.

Я убежден в том, что каждый человек обязан отвечать за свои грехи. Слабый человек не способен, не осмеливается на покаяние, безнравственный - пытается собственную греховность скрыть за разговорами о мнимой греховности других людей. Сказанное относится к господину Ю. Бокареву, поступки которого (газетные публикации и выступления на мартовской 1996 года конференции Ассоциации "История и компьютер") я считаю глубоко безнравственными по отношению к доброму имени и к памяти об Иване Дмитриевиче. И как я это сделал еще тогда, в марте, вербально, сейчас я хочу публично и "печатно" отмежеваться от позиции господина Ю. Бокарева.

Можно по-разному войти в историографическую традицию: а) удивительно простым, но невероятно трудным путем - честно работая для и ради людей, что по моему глубокому убеждению, и сделал Иван Дмитриевич, б) можно поджечь Акрополь, в) и как к сожалению оказывается, это можно сделать, танцуя на еще свежей могиле, что и демонстрирует нам господин Ю. Бокарев, пытаясь реализовать свои псевдонаучные амбиции.

Бернард Браух говорил: "Чтобы зажечь свой светильник, не обязательно задувать светильник соседа"¹¹. От себя добавлю, что лучше всего попытаться зажечь свой светильник от светильника соседа и не потушить его.

Давайте же попробуем зажечь наши светильники от светильника Ивана Дмитриевича. Светлая ему память.

¹¹¹ Там же. С. 30.